

А потом еле слышно пробормотал:
— Т-тт-ттассс... сссся...
Тася замерла.
И...
Порывисто обняла Федю.
Мальчик вздрогнул, вздохнул и тихо сказал:
— Тася, у тебя сейчас точно такая же причёска,
как была у...
— Но это я, Федя, сейчас это только я. Только я.

ПРОФОРИЕНТАЦИЯ

Танцовщица

Представьте себе бабочку. Вообразите её полёт сквозь воздух и солнечные лучи, летние ароматы, испарения от трав и цветов. Сквозь воздушные волны, которые создают другие летающие насекомые и птицы, убегающие и догоняющие животные, передвигающиеся на машинах и пешком люди. Сквозь траекторию движения планеты. Сквозь лёгкие и тяжёлые мысли её обитателей. Сквозь течение времени.

А теперь задумайтесь, свободна ли бабочка выбирать направление, высоту, ритм и цель своего полёта? Или все факторы и события складываются в сложное уравнение, определяющее давление

на её крылья, ускорение воздушного потока, коэффициент увязания в плотной энергетической оболочке Земли?

Зачем летит бабочка? Потому что она решила так сама — или же потому, что чужая воля определяет цель её полёта, влияя на что-то большее, общее, важное?

А теперь обо мне.

Я танцевала всегда — сколько себя помню. Мама рассказывает, что свои первые шаги я сделала под музыку. Дома говорили, что я не пришла, а «пританцевала». А я и не понимала, как можно двигаться иначе.

Конечно, была школа танцев, мысли об училище и... сцена. Моя судьба словно была расписана по нотам. Нет — по последовательности па. В нужное время для меня освобождалось место для занятий, где-то я проходила вне конкурса. Иногда через пару часов после получения отказа я отвечала на звонок и узнавала, что нужна и первый выход на сцену уже вечером.

Танцевать — значит впитывать воздух и отдавать его. Ощущать корпус, голову, руки и ноги в постоянном движении. Движении, которое освежает или обжигает. Поднимает над полом или

лишает сил. Проживать историю, умирать в конце — и возрождаться заново.

«Девочка талантлива» — слышала моя мама день ото дня. Да, возможно, это так. Но никто из этих людей не видел, как после выступления я сворачиваюсь в клубок от переполняющей меня боли в первом найденном тёмном углу, прижавшись коленями ко лбу, пережидая слёзы, тошноту, судороги. А после выползаю из этого кокона с непреодолимой потребностью услышать хоть какой-то ритмичный сгусток музыки.

Порой я впрыгиваю в танец даже на улице или в магазине. Меня совсем не радуют косые взгляды, отплевки «больная» и «идиотка», рассыпавшиеся из корзины пакетики и баночки.

Но я не могу иначе.

Никто не знает, что в процессе танца я вижу картинки. Вижу огромные, рождающиеся в глубинах океана Волны, разевающие пасть и с голодным рёвом стремящиеся к полоске суши. Вижу, как Лава напитывается яростью в недрах земли и устремляется вверх, а затем вниз, поглощая своим смертоносным соком леса, города и жизни и выплёвывая всё это в виде чёрного пепла. Я вижу, как переплетаются траектории самолётов —

их словно магнитом тянет на пересечение в точке невозврата. Вижу, как накаляется энергия на футбольном матче и как с минуты на минуту первый микровзрыв запустит цепочку, приводящую к массовой вспышке, к боли и смертям.

А иногда не вижу ничего. Слово передо мной закопчённое стекло — как для наблюдения за солнечным затмением. А за ним вращается, пульсирует, светится и живёт что-то мощное и опасное. И я танцую, чтобы стеклянная стенка не лопнула от давления и перегрева.

Я танцую, чтобы волны отдали мне свою ярость и ушли в лоно воды. Чтобы лава выплюнула смерть через мой танец и остыла. Чтобы самолёты прошли параллельно друг другу, отдав мне чужие смерти в виде вывихнутой лодыжки или мышечного спазма. Чтобы драка на стадионе закончилась минимальными жертвами. Я танцую снова и снова.

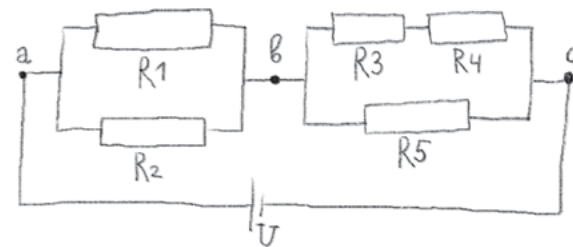
Знают ли те, кто аплодирует мне стоя, что скрывается за моими безостановочными пируэтами и гимнастическими выпадами? Я расскажу вам, что батман, глассада, кабриоль, па шассе, па сизо, бризе и антраша — это упоительно и больно, это поглощает и напитывает меня, это спасает кого-то другого, а забирает — у меня.

Но у меня есть тот, кто знает. Он подхватит меня на руки за сценой после выступления. Соберёт мои рассыпавшиеся покупки и встанет на мою защиту на каждое небрежно брошенное «дура». Накроет меня пледом в тёмном углу. Приготовит чай с мёдом и молоком и будет тихо-тихо помешивать его, ни в коем случае не задевая ложкой стенки чашки — не создавая ритм. А затем усадит меня в кресло и велит пить чай, включит едва пульсирующее «Olei» из песни Нинó Катамадзе...

Я танцовщица. Я бабочка. Я живу по законам сложной математики. Я думаю, что имею право выбирать, — и выбираю танец. Я просто не хочу жить иначе. Сколько ещё пролечу я, рассекая своими крыльями с махровой пыльцой энергетические сгустки и судьбоносные узлы... Я не знаю.

Я есть. Я выбрала. Я — Танцовщица.

ЭЛЕКТРИК

В нашей школе — особенная программа профориентации — с полным погружением в выбранные профессии. Поочерёдно, одну за другой. Все старшеклассники в городе хотят к нам попасть. Наша школа окутана множеством разных слухов, но никто не узнает всей правды, пока не станет Учеником. Все подростки и их родители подписывают соглашение о конфиденциальности — бессрочное.

День сегодня выдался особенно трудный. Я возвращался в квартирку, снятую школой на период погружения в одну из выбранных профессий, с синяком под глазом и разбитой губой.

Парень, которого я взялся «чинить», отреагировал довольно резко: выследил меня, напал — и мы подрались. Хорошо, что несколько прохожих пригрозили вызвать полицию, и парень, спустив пар, скрылся.

